

274 86

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БУРЬЕВОГО Константина Степановича
от 10-го декабря 1934 г.

Я-бывший русский эсер. В партию эсеров я вступил в 1905 году в Воронежской губернии. В 1907 году я был избран членом Острогожского уездного комитета партии эсеров. В 1913-14 г.г. работал в Петербурге, в редакции партийной газеты "Мысль", был членом нелегальной редколлегии. Работал там до ликвидации газеты. В 1916 году был выслан. В 1917 году возвратился из ссылки, снова принял участие в работе ПСР, в 1917 году был избран членом Воронежского Губкома ПСР и в декабре 1917 года, на 4 с'езде ПСР был избран в ЦК партии. Членом ЦК был до 1919 года, до весны, когда в связи с расхождением с ЦК партии, я был выведен сначала из состава ЦК, а осенью 1919 года был исключен из партии. Я еще с некоторыми эсерами создали группу "Народ", которая существовала до 1922 года и в том году была ликвидирована. В 1922 году я выступал на процессе ЦК ПСР. Должен откровенно сказать, что выступал я половинчато, от откровенных политических показаний уклонялся и за это мне на процессе адорowo всыпали.

Будучи русским эсером, я в тоже время поддерживал связи с украинскими кругами. Еще в 1909-1911 г.г., проживая в слободе Росoshь, Воронежской губ., я участвовал в существовавшем там "образовательном обществе", которое я постепенно превратил в украинскую организацию, наподобие

2/3 - 82.7

"Прогресіт". В 1912-14 г.г. я принимал, наряду с участием в ПСР, участие в работе украинской газеты "Рада" в Петербурге. В 1918 году я был послан от Воронежского Асеровского Совета Крестьянских Депутатов на Украину с мандатом в Центральную раду и был членом последней.

Начиная с 1923 года, проживая в Москве, я начал знакомиться с украинцами, группировавшимися вокруг украинского клуба и к 1924 году окончательно с ними сблизился. К этому времени я был хорошо знаком и близко связан с Владимиром ГАДЗИНСКИМ, САМБОРСКИМ и рядом других лиц. С этого-же времени и начинается мое сближение с украинскими националистическими кругами, к которым впоследствии я и перешел окончательно.

Первое мое публичное выступление националистического характера относится к началу 1926 года, к моменту только начинавшейся тогда литературной дискуссии. Я выпустил тогда свою книгу "Европа чи Росія", в которой, в завуалированной форме, пропагандировал идеи украинского национализма. Эта книга послужила толчком для широкой, публичной дискуссии, начатой ХВИЛЕВЫМ, опубликовавшим резкий ответ на мою книгу. На его ответ я сознательно, из тактических соображений не ответил.

В начале 1929 года я познакомился с Иваном ДИЗАНОВСКИМ, впоследствии арестованным, а через него и с БЕРЕСИНСКИМ, с которым довольно откровенно разговаривал на тему о национальном вопросе, положении Украины и т.п.

ВОПРОС:— Когда и при каких обстоятельствах Вы вступили в "Украинскую Военную Организацию"?

ОТВЕТ:- В УВО я был втянут БЕРЕЗИНСКИМ в конце 1929 года. Он длительное время меня изучал, вел со мной беседы на политические темы, обрабатывал меня и в ноябре или декабре 1929 года, в помещении издательства "РУХ" сообщил, что существует нелегальная "Украинская Военная Организация", которая ставит своей целью отделение Украины от России. Как участников этой организации он мне назвал тогда ЛЫЗАНОВСКОГО, ЛЕВЕТЯ и ряд других лиц и предложил мне вступить в эту организацию. Я дал свое согласие и с этого момента я и считал себя членом организации.

ВОПРОС:- Какую практическую работу Вы вели по линии УВО и с кем из членов организации по этой работе Вы были связаны?

ОТВЕТ:- В процессе своей работы в организации я был связан с ЛЫЗАНОВСКИМ, КУРБАСОМ, КУЛИШЕМ, ЭНЖОМ, БЕРЕЗИНСКИМ, ЛЕВЕТЕМ, ХВИЛЕВЫМ, ЯЛОВЫМ, слабо - с КИРИЧЕНКО и некоторыми другими членами организации.

Вскоре после вербовки меня в организацию БЕРЕЗИНСКИМ, я имел беседу с ним и некоторыми другими членами организации (ЛЕВЕТЕМ, Валер. ПОЛИЩУКОМ) и заявил им, что я могу вести работу только на культурном фронте, где я имею солидные связи. С этим согласились и я вел по этой линии свою работу.

Первый период - зиму 1929-30 года я вынужден был отсиживаться и активно не выступать политически, т.к. меня и Валерьяна ПОЛИЩУКА здорово били за журнал "Авангард".

Осенью 1930 года я уже близко связался с КУРБАСОМ и по его указаниям, как члена организации, начал

свою работу в качестве зав. лит. частью. "Веселого Пролетаря" и одновременно принимал нелегальное участие в работе "Березиля". Работа эта сводилась к пропаганде националистических установок театра, дискредитации советских пьес, организации политических диспутов, имевших целью пропаганды националистических постановок, писанию статей на эту же тему и проч.

Одновременно такую же работу я вел и в издательстве "РУХ".

Так продолжалось до конца лета 1931 года, когда я заболел и вынужден был лечиться сначала в Тибердеу, затем в Харькове и Одессе приблизительно до осени 1932 года. За это время участия в работе организации я принимать не мог, т.к. почти все время лежал.

К этому времени советские организации начали прибирать к рукам нашу легальную базу - издательство "РУХ" за счет которого кормились члены организации и которое являлось нашей материальной базой. Это несколько сократило нашу работу. Мы еще успели составить план выпуска издательством националистических трудов и произведений, но вскоре база для широкой работы по этой линии была значительно сужена. Начали бить "Березиль" и это меня лично также заставило сократить свою активность. Арест в 1933 году БЕРЕЗИНСКОГО и других членов организации заставил меня временно отойти от работы в организации.

Правда, мы муссировали провокационные слухи о голоде на Украине и т.п., но широкой практической работы не вели, по крайней мере я в ней до начала 1934 года не участвовал.

ВОПРОС:- Когда и при каких обстоятельствах Вы вступили в контрреволюционную организацию "Объединение Украинских Националистов?".

2/3 90
5.-

ОТВЕТ:- Не ведя практической работы в УВО в 1933 году, я все-же поддерживал связи с отдельными членами организации. Особенно я был близок с Валерьяном ПОЛИЩУКОМ. В январе 1934 года, встретившись со мной, Валерьян ПОЛИЩУК мне сообщил, что на Украине создана новая организация "Об'единение Украинских Националистов" и пригласил меня на собрание членов организации, на квартиру Максима ЛЕБЕДЯ. Я согласился и мы поехали туда вместе с В.ПОЛИЩУКОМ. На квартире ЛЕБЕДИ уже находились в тот вечер: КУЛИЦ, ЭПИК, сам ЛЕБЕДЬ и еще 4-5 человек, не считая нас с В.ПОЛИЩУКОМ. Точно присутствовавших тогда я сейчас не припомню. Придя на квартиру, мы застали уже начало информации ЭПИКА. Он говорил о том, что несмотря на разгром национальных организованных групп, несмотря на тяжелое положение Украины - работа не прекращается, идет снова организация национальных сил. Он призывал "не складывать рук", усилить борьбу и в конце призывал присутствовавших активно включиться в работу вновь созданного нелегального "Об'единения Украинских Националистов". Об этом "об'единении" он, видимо, судя по его информации, уже говорил в начале своей речи, но мы с В.ПОЛИЩУКОМ этой части его выступления не застали. После выступления ЭПИКА присутствовавшие обменялись мнениями и тогда-же была выбрана группа в составе КУЛИЦА, ЭПИКА и В.ПОЛИЩУКА, которая должна была руководить работой организации в литературных кругах.

После этого я еще несколько раз участвовал на аналогичных собраниях членов организации по различным вопросам прессы. Происходили они у ЛЕБЕДИ и у меня на квартире.

249 9
6.-

ВОПРОС:- Что Вам известно о террористической деятельности "ОУН" и какие Вы принимали участие в этой работе?

ОТВЕТ:- Начиная, приблизительно, с февраля месяца меня очень осторожно обхаживал и прощупывал Максим ЛЕВЕНЬ, который был со мной очень близок. Продолжалось это в течение февраля и марта месяца. В первых числах апреля ко мне на квартиру зашел ЭНИК. После незначительных замечаний и небольшого политического вступления он мне заявил, что они ко мне вместе с Максимом Максимовичем (ЛЕВЕНЕМ) присматривались, изучали меня и он решил поговорить со мной откровенно. Обрисовав мне тяжелое положение Украины, преследование украинцев со стороны России и т.п., он осторожно начал рассказывать мне о том, что по городу ходят слухи, что Остап ВИШНЯ и ГИРНАК террористы. Я с возмущением начал говорить о том, что это оперативные террористы, что террор выдумывает ГПУ, что большевики играют с огнем и сами от этого пострадают, т.к. едва-ли кто-либо сейчас будет ставить сам вопрос о терроре. Дав мне высказаться, ЭНИК перебил меня и заявил, что именно сейчас и настало время для террора. Он начал убеждать меня в том, что мы должны отомстить за Украину, что Германия и Япония готовы к войне с Советским Союзом и нужен только сигнал, который показал-бы, что мы здесь не спим, а активно боремся. Таким сигналом, заявил ЭНИК, и должен послужить выстрел. При этом он добавил, что сейчас не стоит стрелять в кого-либо из руководящих лиц на Украине, так как это, хотя и произведет впечатление, но должного эффекта все-таки не даст, а проведет только к разгрому национальных сил. Поэтому если уж начинать, то нужно думать о том, чтобы удар нанести серьезный, нужно бить в центре, в Москве. Это даст и должный

эффект и сразу же явится местью на угнетенную Украину. ЭПИК заявил мне, что он и ЛЕБЕДЬ имеют поручение центра организации подыскать людей для совершения центрального террористического акта, что ЛЕБЕДЬ все это время меня изучал и они пришли к выводу, что я являюсь для этого человеком вполне подходящим и верным. Поэтому он предлагает мне взяться за организацию покушения на СТАЛИНА.

Нужно отметить, что хотя ЛЕБЕДЬ мне конкретно о терроре и не говорил, но в беседах так осторожно наводил разговор на эту тему, что я под впечатлением этих бесед, начал перечитывать разную литературу о терроре (Савинкове и проч.). Все время я находился под обаянием этой литературы и был ею наэлектризован. Поэтому, несмотря на свои иронические замечания об Остапе ВИШНЕ и ГИРНЯКЕ, предложение ЭПИКА я принял очень серьезно. Прежде всего я спросил у него кто знает о том, что такое покушение готовится и что я намечен к этому делу. ЭПИК ответил мне, что об этом знает только центр и они вдвоем с ЛЕБЕДЕМ. Я был этим удовлетворен, т.к. видел в этом конспирацию намечаемого предприятия. ЭПИК мне добавил, что и сам центр в полном составе не будет знать об участниках подготавливаемого покушения, а лиц этих будут знать только он и ЛЕБЕДЬ. Удостоверившись в полной конспирации задуманного покушения, я дал ЭПИКУ свое согласие принять в нем участие. Тогда ЭПИК сообщил мне, что они наметили и второго человека для этого дела, с которым они уже договорились, и назвал мне Левка НОВАЛЕВА. Это мне очень не понравилось. Я заявил, что они поступили неосторожно, что предлагая мне организовать покушение, они в тоже время ведут переговоры с другим человеком, что это с одной стороны создает параллелизм, а с другой - неконспиративно. Я указал ему, что подбором людей в террорис-

тическую группу должен заниматься сам руководитель, а не делать это так, как сделали они. ЭНИК начал меня убеждать, что КОВАЛЕВ человек вполне проверенный, что я его хорошо знаю, что ему можно доверять и т.п. в таком же духе. В конце-концов я согласился, но с условием, что я предварительно проверю КОВАЛЕВА и только тогда уже возьмусь за подготовку покушения. На этом мы и сошлись. Тогда-же я заявил ЭНИКУ, что я уже сейчас начну подготавливаться к организации покушения, проверять нет-ли за мной слежки и уговорился, что связь с центром я буду держать только через него-ЭНИКА, не посвящая в это даже ЛЕВУ. ЭНИК согласился.

Я лично мыслил себе для организации покушения переехать в Москву. Я еще раньше собирался сделать это, дома у меня об этом знали и мой переезд не вызывал бы никаких подозрений.

Поговорив через несколько дней еще раз с ЭНИКОМ на ту-же тему, я в начале мая выехал в Москву, где и прожил два с половиной месяца. Предварительно я распродал свою библиотеку, распространял слухи о том, что мне нечем жить и вообще тщательно подготавливал впечатление нормального переезда.

Одновременно я проверял и Левку КОВАЛЕВА. Собирая я о нем сведения через его бывшую первую жену - Варвару Ивановну ЧЕРЕТНИЧЕНКО, не посвящая ее, конечно, в мои планы. Характеристику о КОВАЛЕВЕ В.И. ЧЕРЕТНИЧЕНКО дала хорошую и она меня удовлетворила и успокоила насчет личных и моральных качеств КОВАЛЕВА.

Внезапно временно в Москву, я преследовал этим цель - замести за собой следы в Харькове, проверить, нет-ли за мной слежки и создать видимость нормального переезда.

212 94

В Москве я был дважды. По делу о подготовке покушения я вел там беседы с Левко КОВАЛЕВЫМ и ГИРЧАНОМ.

Протокол прочитан мною, с моих слов записан верно.

К. ВУРЕВЫЙ

ДОПРОСИЛИ:

ВРИД НАЧ 2 ОТДЕЛЕНИЯ СПО

/ШЕРСТОВ/

УПОЛНОМОЧЕННЫ СПО

/САТИР/